

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Л.А. Воскобитова*

ОБВИНЕНИЕ ИЛИ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН?

Аннотация: статья посвящена анализу такого негативного явления в современной практике уголовного судопроизводства, как обвинительный уклон. Причина обвинительного уклона в искажениях понимания принципа состязательности и не сформированности практики состязательного процесса, обеспечивающего всесторонность и полноту установления фактических обстоятельств дела и справедливость судебного разбирательства. Дан анализ роли следователя, прокурора и суда и их процессуальных возможностей противостоять обвинительному уклону. Выявлены и показаны отдельные критерии, по которым можно своевременно обнаружить обвинительный уклон. Устранение таких проявлений из практики уголовного судопроизводства позволит исправить сложившиеся искажения и вернуть практику в рамки законности и обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: функции, состязательность, обвинение, обвинительный уклон, признаки обвинительного уклона, формы проявления обвинительного уклона, производство по уголовному делу, следователь, прокурор, суд, устранение обвинительного уклона.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.3.11105

Функциональное построение уголовного процесса привело к функциональному разделению процессуальных сторон на обвинение и защиту, отделению от них суда и к переходу на состязательную процедуру рассмотрения и разрешения уголовного дела. Две ветви государственной власти – исполнительная и судебная, – в уголовном судопроизводстве также функционально разделены, что в большей мере отвечает природе тех общественных отношений, которые возникают в уголовном судопроизводстве.

Органы исполнительной власти, к которым отнесены органы следствия и дознания, обеспечивают своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела, его расследование, избрание лиц, совершивших преступление, с тем, чтобы доказать обвинение и обеспечить

правильное и справедливое применение норм уголовного права к виновному. Это обвинение в суде представляет и поддерживает государственный обвинитель, однако следует признать, что роль прокурора в этой функциональной схеме до сих пор не сформирована окончательно и последовательно. Споры по этому вопросу не утихают¹, а изменения, вносимые в процессуальное законодательство, отличаются непоследовательностью и несистемностью.

Согласно главе 6 УПК РФ прокурор отнесен к участникам со стороны обвинения. Из всех

¹ См. Багмет А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С.27; Боруленков Ю.П. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Там же. С. 33.

© Воскобитова Лидия Алексеевна

* Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [lavosk@mail.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

участников данной группы субъектов процесса только применительно к прокурору законодатель раскрывает функциональную направленность его деятельности: а) прокурор уполномочен осуществлять в пределах компетенции уголовное преследование; б) осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия (ч.1 ст. 37 УПК РФ). Уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п.55 ст.5 УПК РФ). А обвинение в целом определено как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленным процессуальным законом (п.22 ст.5 УПК РФ).

При формально-догматическом прочтении и толковании таких положений закона может возникнуть ошибочное представление, будто обвинительный уклон прямо предписан органам расследования и прокурору, тем более государственному обвинителю, назначенному поддерживать обвинение в суде. Требуется включить в предмет обсуждения всю систему процессуальных норм, сопоставить обвинительные полномочия прокурора с его надзорными задачами и полномочиями, и тогда становится очевидным, что обвинение принципиально не равнозначно обвинительному уклону. Более того, обвинительный уклон не совместим с процессуальной деятельностью прокурора в досудебных и судебных стадиях процесса.

Хотя в УПК РФ нет статьи, подобной ст. 20 УПК РСФСР, но умеющий читать и думать легко найдет в законе эти требования.² Органы расследования так же, как и государственного обвинителя никто не освобождал от обязанности всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела и устанавливать не только обстоятельства обвинения, но и обстоятельства, освобождающие от него. Такое требование, например, прямо вытекает из п.5–7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, указывающих, что следователь и государственный обвинитель обязаны доказывать и обстоятельства, свидетельствующие в пользу подозреваемого, обвиняемого, могущие повлечь прекращение дела или оправдание этого лица, исключающие его ответственность и наказание.

Обязанность всесторонней проверки вытекает из ч.2 ст.14 УПК РФ, согласно которой

на стороне обвинения лежит не только бремя доказывания виновности, но и бремя опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого. При этом под опровержением понимается необходимость привести доказательства «противного».³ Именно доказательства, а не голословную ссылку на внутреннее убеждение или различного рода предположения, «порочащие» или порождающие недоверие к доказательству защиты. Для опровержения следователь обязан путем производства следственных действий: а) проверить любые доводы, приводимые в защиту самим подозреваемым или обвиняемым или его защитником; б) опровергнуть их с помощью доказательств, если это возможно. Если же их не удастся опровергнуть, то следователь, а равно и государственный обвинитель в судебном разбирательстве обязаны применить ч.3 ст. 14 УПК РФ.

В силу прямого указания закона каждый из них обязан своевременно: а) *истолковать сомнения*, которые порождены доводами защиты и которые не могут быть устранены процессуальным путем, *в пользу подозреваемого, обвиняемого*; б) *принять решение* об изменении обвинения в его пользу или об освобождении его от дальнейшего преследования или об отказе от дальнейшего поддержания государственного обвинения (ч.3 ст. 14 УПК).

В тексте УПК РФ в целом ряде статей неоднократно встречаются частные указания следователю на необходимость заботиться о всесторонности, полноте и объективности расследования (ч. 4 ст. 152, ст. 154, ч. 1 ст. 119, ч.1–2 ст. 159), которые почему-то упорно не хотят замечать поборники идеи «объективной истины».⁴ Системный анализ УПК РФ позволяет утверждать, что в настоящее время, в отличие от советского уголовного процесса, сторона обвинения становится *единственным субъектом* уголовно-процессуальных отношений, на котором и по тексту закона, и по существу выполняемой функции лежит *обязанность* исследовать обстоятельства дела *всесторонне, полно и объективно*.

Сторонники «объективной истины» любят противопоставлять ее состязательности, утверждая, что это взаимоисключающие друг

³ См. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык. 1990. С. 173.

⁴ См. Аширова Л.М. Объективная истина как элемент справедливого судебного разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста, 2012, №4 (5). С. 11–19; Смирнов Г.К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания. Там же. С. 250–259; Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе. Там же. С. 192–199 и др.

² См об этом подробнее: Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. №4 (5). С. 56–65.

друга принципы процесса⁵. При этом сознательно или в силу непонимания, игнорируется тот факт, что только благодаря всесторонности, полноте и объективности обвинение может быть конкурентоспособным в условиях состязательного процесса. Если обвинение подменяется обвинительным уклоном, и следователь, и государственный обвинитель должны понимать, что рано или поздно все юридически значимые обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, непременно будут введены в процесс стороной защиты. И тогда сторона обвинения обязана будет выполнить требование ч.2 ст. 14 УПК РФ, но в более сложных условиях судебного разбирательства, когда необходимые следственные действия могут оказаться уже невыполнимыми и невозможными. И не следует обвинять защитника в «противодействии» следствию или обвинению: если следователь неуклонно выполняет требования процессуального закона, в том числе ст. 73, ч.2 ст. 14 УПК, возражения защитника будут им своевременно проверены и учтены, и не будут полной неожиданностью.

Четкое понимание различия между содержанием функции обвинения и обвинительным уклоном как формой *искажения этой функции*, в современном российском уголовном судопроизводстве становится необходимым условием успеха при поддержании обвинения в суде. Поэтому необходимо усиливать и процессуально укреплять надзорную функцию прокурора на стадии предварительного расследования, которая может служить гарантом всесторонности, полноты и объективности расследования. К сожалению, в практике прокуратуры, утверждая обвинительное заключение, недостаточно внимания уделяют именно этому аспекту прокурорского надзора. В результате государственный обвинитель в судебном заседании нередко оказывается в неловком положении, когда ему явно не хватает обвинительных доказательств, а защита предъявляет оправдательные доказательства только в суде, потому, что не верит в объективность расследования, и не предъявляет их ранее. Следует, наконец-то смириться с тем, что за стороной защиты теперь признается право на собственную процессуальную позицию в споре с обвинением, ей предоставлены процессуальные права для активного возражения обвинению, отыскания и представления органам расследования или суду информации, свидетельствующей в пользу подсудимого. Чем раньше следователь получит от защиты такие возражения, чем добросовестнее он их прове-

рит, тем более прочными станут его собственные обвинительные выводы по делу.

Суд, в лице судьи или состава суда, являющихся носителями судебной власти, наделен исключительным⁶ полномочием рассматривать и разрешать уголовное дело по существу, признавая подсудимого виновным или оправдывая его, применяя нормы уголовного права и обеспечивая при этом справедливость судебного разбирательства. Познавательная задача суда также принципиально изменилась. По существу, у суда появился принципиально новый предмет судебного разбирательства, который теперь должен включать не только позицию обвинения, но и позицию защиты (это вытекает из смысла ч.3 ст.15, ч.1 ст.243, ст.244, ст.273, ст.274 и др. УПК РФ).

Суд обязан в равной мере объективно и непредвзято исследовать обстоятельства, заявляемые каждой из сторон, принимать активное участие в исследовании доказательств. Но суд делает это только после представления и исследования их сторонами, и только с целью устранения возникших у суда неясностей, сомнений, выяснения противоречий, которые могут помешать ему при принятии правосудного решения по делу. Суд в силу требования беспристрастности не может вместо стороны восполнять ее недоработки. Именно объективность не позволяет ему вместе с обвинителем восполнять неполноту следствия, т.е. исправлять брак в работе следователя.⁷

В этой связи представляются, по меньшей мере, наивными и новые идеи некоторых работников Следственного комитета о необходимости разработки теперь уже «товарно-информационной концепции коммуникации следствия и суда».⁸ Мечта о том, как хорошо было бы следователю договариваться («коммуницировать») с судом, минуя прокурора, который, по мнению авторов, не более чем лишний «посредник», прямо противоречит положению ст. 10 Конституции о разделении

⁶ Особенно четко это подчеркнуто в постановлении Конституционного суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

⁷ Именно на это нацелен законопроект, внесенный в ГД по инициативе Следственного Комитета РФ. См. Проект федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Сайт СК РФ // <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>.

⁸ Багмет А.М., Цветков Ю.А. Товарно-информационная концепция коммуникации следствия и суда // Библиотека криминалиста. 2014 №1 (12). С. 9–20.

⁵ См. Печников Г.А. Диалектика и уголовный процесс // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 203–205.

властей. Но об этом авторы не пишут. Авторы демонстрируют полное игнорирование (или непонимание?) уголовно-процессуального закона, который в точном соответствии с Конституцией закрепил функциональное построение процесса, принцип состязательности, презумпцию невиновности, право на защиту и др., возложив всю меру ответственности за законность и обоснованность обвинения именно на сторону обвинения, к которой отнесен и следователь, и государственный обвинитель.

К сожалению, анализ российской практики, прецедентная практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) показывают, что вопреки прямым предписаниям закона, *обвинительный уклон* в российском уголовном судопроизводстве процветает и имеет тенденцию к усилению. Обвинительный уклон – это не «популистский штамп», а *объективно существующее и достаточно распространенное в современной судебной практике явление. Суть его в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела, и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу.*

Обвинительный уклон явно противоречит функциональному построению процесса, но это явление пока еще не осознано практикой, и не нашло достаточно глубокого теоретического исследования. Может быть потому, что отсутствует регулярный мониторинг законности практики, и признаки этого явления недостаточно выявлены и формализованы. Это явление пока не объективируется в социологических наблюдениях и судебной статистике: нет системы официальных показателей, посредством которых его можно выявить, зафиксировать и статистически обобщить. Это позволяет делать вид, что утверждения об обвинительном уклоне огульны и голословны, что такого в практике нет.

Вместе с тем, изучение уголовных дел, рассмотренных российскими судами, анализ решений ЕСПЧ по жалобам против России убеждает в реальном существовании обвинительного уклона. Именно практика позволяет выявить и назвать ряд объективных признаков, посредством которых он проявляется в материалах дела. Анализ и систематизация таких признаков дает возможность более критично оценивать действия, прежде всего, органов расследования, ибо именно на этом этапе уголовного судопроизводства возникает обвинительный уклон, и здесь всестороннее и полное, объективное расследование еще может ис-

править ситуацию. Необходимо формировать нетерпимость к обвинительному уклону и на следующих этапах производства. Именно прокурор должен своевременно выявлять обвинительный уклон и не допускать направление дел с таким искажением требований закона в суд. Суд первой инстанции также обязан своевременно выявлять такие искажения и целенаправленно устранять обвинительный уклон из судебной практики.

Попытаемся обозначить некоторые *объективные проявления обвинительного уклона*, по которым непредвзятый наблюдатель может его обнаружить. Такие проявления, повторяясь в практике, становятся своеобразными *критериями* для оценки материалов уголовного дела, по которым суд, а еще раньше прокурор могут выявлять некачественное расследование дела и обвинительный уклон.

Существует убеждение, что о наличии в российском уголовном судопроизводстве обвинительного уклона свидетельствует практическое отсутствие оправдательных приговоров. Но этот показатель не столь однозначен. Формально такой показатель в равной мере может свидетельствовать как об очень высоком качестве расследования, когда следственная ошибка исключена, так и о попустительстве следственным ошибкам и обвинительном уклоне. Существенную поправку требуется делать и на реальную статистику, которая свидетельствует, что более 60% уголовных дел рассматривается в порядке главы 40 УПК, и в силу согласия подсудимого с предъявленным обвинением, как правило, по этим делам выносятся обвинительный приговор. Поэтому проблема оправдательных приговоров и их удельного веса в судебной статистике требует отдельного обсуждения. Но кроме показателя оправдательных приговоров, судебная практика, и прежде всего практика ЕСПЧ, являющаяся наиболее объективной и высокопрофессиональной, позволяет выявить иные, более конкретные и очевидные признаки обвинительного уклона. Мы остановимся именно на этих, иных признаках, которые можно легко обнаружить по материалам дела и во многих обвинительных приговорах.

1. *Описательная часть приговора, как правило, текстуально повторяет описание фактических обстоятельств в обвинительном заключении.*

Несмотря на то, что в судебном следствии нередко появляются иные доказательства или меняется содержание показаний, что приводит к появлению иной информации о событии преступления или о действиях подсудимого, ни государственный обвинитель, ни суд, как правило, не отступают от текста обвинительного заключения и протоколов следственных

действий. Иногда это доходит до явного нарушения требований УПК. Уже много лет в практике укоренилась порочная традиция излагать обвинение в неких обобщенных фразах, заимствованных из законодательных текстов и конструкций. Практически исчезла правовая традиция описания события языком факта. Между тем, каждое преступление единично и уникально по своим фактическим проявлениям. Фактическая основа дела представляет собой необходимый и обязательный элемент правоприменительной деятельности. Если в процессуальном акте не описаны факты в их уникальном и индивидуальном проявлении – нет той основы, к которой можно было бы применить правовую норму.

Более того, выражения типа «в неустановленное время, в неустановленном месте, при неустановленных обстоятельствах, совместно с неустановленными лицами...», но при этом незаконно... и прокуроры, и суд уже перестали замечать. В такой практике уже не усматривается грубейшего нарушения требований ст. 73 УПК. Суд не реагирует на то обстоятельство, что при подобной «неустановленности» он теряет возможность правильно ориентироваться в применении закона во времени, не может учесть сроков давности. Суд, излишне доверчиво следуя за некачественными обвинительными заключениями, сам нарушает требования п.1 ч.1 ст. 237 УПК. И прокурор не должен бы утверждать обвинительное заключение, содержащее подобные нарушения, потому что суд лишается возможности вынесения правосудного приговора при таких нарушениях. И если при таких недостатках обвинительного заключения дело не только не возвращается прокурору, но суд выносит обвинительный приговор, повторяя в нем те же утверждения о «неустановленности» – это и есть объективное свидетельство наличия в производстве по данному делу обвинительного уклона.

2. *Признание должностными лицами прокуратуры и суда приоритета материалов уголовного дела над доказательствами, представляемыми и исследуемыми непосредственно в суде.*

Наиболее ярко это проявляется при изменении показаний свидетеля, потерпевшего или подсудимого в суде. Такая ситуация повторяется практически в любом деле. Приведем только один пример. Адвокат обратил внимание суда, что протоколы трех свидетелей по делу почти дословно совпадают и настаивал на обеспечении их явки в суд. При их допросе в суде было установлено, что все трое – «гастарбайтеры», приехавшие из одной из стран Азии, которые плохо говорят по-русски, но которых следователь допрашивал без переводчика. В суде они

не понимали многих слов, и не помнили событий, описанных в протоколах их допросов. Есть основания сомневаться в достоверности их показаний? Безусловно, но государственный обвинитель и суд по «традиции» ограничились оглашением их показаний, ссылаясь на наличие их подписи в протоколе допроса, и на предположение о том, что в момент допроса, свидетели лучше помнили события. Эти показания и были положены в основу обвинительного приговора.

Между тем, появилось новое и очень важное для российской практики постановление ЕСПЧ по делу «Эркапич против Хорватии» от 25. 04.2013, в котором подобная практика получила оценку с позиций права человека на справедливое судебное разбирательство (ст.6 ЕКПЧ). *«В отсутствие существенных оснований для противоположного, справедливое разбирательство требует придавать большее значение показаниям, данным в суде, по сравнению с протоколами допросов свидетелей на предварительном следствии, поскольку последние представляют собой, прежде всего процесс сбора стороной обвинения информации в поддержку своей позиции».*⁹

3. *При исследовании доводов, приводимых в пользу подсудимого, вопреки ч. 2 ст. 14 УПК РФ, государственный обвинитель не опровергает, а суд не требует от обвинителя опровержения этих доводов, как правило, подменяя опровержение информации «опорочиванием свидетеля».*

Защита достаточно часто использует свое право вызова в суд лиц для допроса их в качестве свидетелей защиты, предварительно опросив их с их согласия (п.2 ч. 3 ст.86 УПК РФ). Показания таких свидетелей, как правило, противоречат доказательствам обвинения. В таких ситуациях обвинитель обязан руководствоваться ч.2 ст. 14 УПК РФ и приводить иные доказательства, *опровергающие доводы защиты по существу.* Однако, вместо этого, суд позволяет прокурору, а нередко и сам ограничивается лишь тем, что выясняет, какие отношения существуют у этого свидетеля с подсудимым, при каких обстоятельствах защитник нашел и опросил данное лицо и т.п. Содержание информации при этом никак не соотносится с содержанием иных доказательств и с обстоятельствами дела.

В результате такого «исследования» в приговорах появляется фраза типа: «суд относится к показаниям свидетеля N. критически, потому что он находится в родственных (дружеских, просто знаком, является соседом и т.п.) отно-

⁹ Гаспарян Н. Время изменить приоритеты? //Новая адвокатская газета. 2014. №3(164). С. 8–9.

шениях с подсудимым».¹⁰ И в приговоре, как правило, никакого анализа по существу фактической информации, сообщенной свидетелем, не делается. Никакими другими доказательствами содержание этой информации не проверяется и не опровергается.

Следует напомнить, что в силу ч.1 ст. 74 УПК РФ доказательствами являются именно *сведения*, сообщаемые свидетелем защиты. Прежде чем давать им оценку, эти сведения должны быть сопоставлены со всей совокупностью иных фактических сведений об обстоятельствах дела, и только такое сопоставление дает право суду верить или не верить показаниям допрошенного свидетеля защиты. Отказ от сопоставления и анализа *содержания* сообщаемых сведений только потому, что их сообщает родственник и т.п. также становится объективным свидетельством обвинительного уклона.

4. Органы расследования, а вслед за ними прокурор и суд нередко признают доказательствами обвинения материалы, не отвечающие понятию доказательства, но никогда не делают этого для усиления позиции защиты.

Например, получает распространение весьма спорная практика использования в качестве доказательства обвинения «явки с повинной». Известно, что, согласно п.2 ч.1 ст. 140 УПК РФ, этот процессуальный акт отнесен к числу поводов к возбуждению уголовного дела и соответственно имеет иную процессуальную природу, чем доказательства. Но «явку с повинной» нередко указывают в числе доказательств обвинения, не обращая внимания даже на то, что в явке с повинной, нередко, излагается только та общая информация, которая известна следователю на данный момент расследования.¹¹ Весьма часто в явке с повинной нет точного и детального описания преступных действий, их последовательности, «привязки к месту». Нередко «явку с повинной» получает должностное лицо, не участвующее в производстве по данному делу и не выполнявшее соответствующих поручений следователя.

Такой текст явки с повинной может служить поводом к возбуждению дела, но с доказательственной точки зрения он малоинформативен и не отвечает процессуальному порядку получения доказательства (ст. 75 УПК). Установленный процессуальный порядок получения явки с повинной не обеспечивает ее надеж-

ности как источника доказательств. При этом никто не мешает следователю, получив такой повод, возбудить уголовное дело, и допросить это лицо уже в качестве подозреваемого, обеспечив честно все его права. Несмотря на такие существенные недостатки получения «явки с повинной», сторона обвинения, тем не менее, «доверяет» таким источникам и строит на них обвинительные выводы.

Аналогичным образом в практике достаточно часто начали использовать рапорта об обнаружении преступления; информацию, полученную в ходе провокации; голословные показания оперативных работников о том, что оперативным путем они установили причастность обвиняемого к совершению преступления.¹² Такого рода актам, искажая смысл ст. 84 УПК РФ, следствие, государственный обвинитель, а вслед за ними и суд, придают значение «иного документа».

Однако к информации, получаемой защитником, принципиально иное отношение. Например, письменно оформленный протокол опроса лица с его согласия (п.1 ч.3 ст. 86 УПК РФ), заключение, составленное специалистом по запросу адвоката, под любым предлогом следователь и суд стараются не принимать, и практически никогда они не признаются «иным документом». Такой двойной стандарт в определении доказательственной ценности документов обвинения и защиты, притом, что эти документы, строго говоря, в равной мере не отвечают требованиям ст. 74 УПК РФ с точки зрения понятия доказательства, еще одно наглядное и объективное проявление обвинительного уклона в производстве по уголовному делу.

5. При наличии противоречивых доказательств, и органы расследования, и государственный обвинитель, и суд, как правило, берут за основу процессуальных решений доказательства обвинения, а не доказательства защиты.

В документах следователя и приговорах практически не встречаются случаи истолкования сомнений в пользу обвиняемого, хотя ситуации с наличием противоречивых доказательств в практике не редки. Даже если доказательства исключают друг друга, следователь, государственный обвинитель и даже суд предпочитают доверять доказательствам обвинения.¹³ Особенно наглядно это проявляется при

¹⁰ Именно такие аргументы были предметом исследования в постановлении ЕСПЧ по делу «Попов против России» от 13.07.2006, жалоба № 26853/04 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Архив Московского областного суда за 2006 год. Дело по обвинению Борисова Е.Я. и Борисова Д.Я. по ст. 105 ч.2 п.п. а, ж, з, ст. 162 ч.4 п. в УК РФ.

¹² См., например, постановления ЕСПЧ по делам «Ваньян против России» от 15.12.2005, жалоба №532003/99, «Худобин против России» от 26.10.2006, жалоба №59696/00 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Архив Московского областного суда за 2006 год. Дело по обвинению Борисова Е.Я. и Борисова Д.Я. по ст. 105 ч. 2 п.п. а, ж, з, ст. 162 ч.4 п. в УК РФ; архив Омского областного суда за 2012 год. Дело по обвинению Кузнецова Д.Б. по ч.ч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

наличии в деле двух видов показания обвиняемого: признательного и отрицающего причастность к преступлению. Никакие объяснения обвиняемого о применении к нему насилия, признания в самооговоре и т.п. во внимание не принимаются, а за основу непременно берутся признательные показания. Вышестоящие инстанции, как правило, также не реагируют на подобные противоречия, и аргументы защиты остаются без внимания. И это тоже свидетельствует явно не о поиске истины по делу, а об откровенном обвинительном уклоне.

В сложившемся к настоящему моменту распределении полномочий следствия и прокуратуры есть определенный потенциал для изменения такой практики с целью искоренения обвинительного уклона. К сожалению, несмотря на существенное усиление процессуальных полномочий руководителя следственного органа (ст. 39 УПК), пока не удалось существенно повысить качество расследования в российском уголовном судопроизводстве. Попытка перевести эту сложнейшую проблему в плоскость борьбы амбиций с перекладыванием ответственности за результат с одного органа на другой,¹⁴ только препятствует ее решению.

Необходимо признать, что значительная роль в искоренении обвинительного уклона

и обеспечении поддержания в суде только законного и обоснованного обвинения, может и должна принадлежать прокуратуре. В силу возложенной на нее двойной процессуальной задачи обеспечивать поддержание обвинения по уголовному делу в суде, и осуществлять надзор за расследованием преступлений, прокуратура имеет уникальную возможность способствовать преодолению обвинительного уклона в расследовании. Тогда и суд сможет обеспечивать справедливое судебное разбирательство, а вместе с этим и права человека в уголовном судопроизводстве.

Что же касается попыток следователей искать не процессуальные пути «коммуникации следователя и суда» в «неформальных рамках»¹⁵, то иначе как недоразумением это объяснить нельзя. Но не кроется ли в таких заявленных «недоразумениях» ключ к решению проблемы и с обвинительным уклоном: может быть, следует больше внимания уделять повышению процессуальной грамотности и профессионализма тех, кто осуществляет уголовное судопроизводство? Тогда и истина будет открываться, и состязательность мешать не будет, и к правам человека будет более бережное отношение, а главное, не потребуются бесконечно перекраивать «под себя» процессуальный закон.

Библиография

1. Багмет А.М. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12).
2. Боруленков Ю.П. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12).
3. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине. Библиотека криминалиста. 2012. №4 (5).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык. 1990. С. 173.
5. Аширова Л.М. Объективная истина как элемент справедливого судебного разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. №4 (5).
6. Смирнов Г.К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2012. №4 (5).
7. Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. №4 (5).
8. Печников Г.А. Диалектика и уголовный процесс // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
9. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Товарно-информационная концепция коммуникации следствия и суда // Библиотека криминалиста. 2014 №1 (12).
10. Гаспарян Н. Время изменить приоритеты? // Новая адвокатская газета. 2014. №3(164).

References

1. Bagmet A.M. K voprosu o sovershenstvovanii stadii vzbuzhdeniya ugovovnogo dela. Biblioteka kriminalista. 2014. № 1 (12).
2. Borulenkoy Yu.P. O polnomochiyakh prokurora na stadii vzbuzhdeniya ugovovnogo dela. Biblioteka kriminalista. 2014. № 1 (12).

¹⁴ Боруленков Ю.П. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 33–39.

¹⁵ Багмет А.М., Цветков Ю.А., Цит. раб. С.9

3. Voskobitova L.A. Nekotorye osobennosti poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve, protivorechashchie mifu ob istine. Biblioteka kriminalista. 2012. №4 (5).
4. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. N.Yu. Shvedovoi. – M.: Russkii yazyk. 1990. S. 173.
5. Ashirova L.M. Ob'ektivnaya istina kak element spravedlivogo sudebnogo razbiratel'stva po ugovnomu delu // Biblioteka kriminalista, 2012, №4 (5).
6. Smirnov G.K. Ob'ektivnaya istina kak orientir ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniya // Biblioteka kriminalista, 2012, №4 (5).
7. Orlov Yu.K. Ustanovlenie istiny kak tsel' dokazyvaniya v ugovnom protsesse // Biblioteka kriminalista, 2012, №4 (5).
8. Pechnikov G.A. Dialektika i ugovnyi protsess. Biblioteka kriminalista. 2-12. № 4 (5).
9. Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A. Tovarno-informatsionnaya kontsepsiya kommunikatsii sledstviya i suda // Biblioteka kriminalista. 2014 №1 (12).
10. Gasparyan N. Vremya izmenit' priorityety? // Novaya advokatskaya gazeta. 2014. №3 (164).

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2014 г.